

DOI: 10.31696/S086919080035141-2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАБЛИГИ ДЖАМА'АТ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ (МАЛИ И ЮАР)

© 2025

И.В. ПОНОМАРЕВ ^a, В.В. ГРИБАНОВА ^b^{a, b} – Институт Африки РАН, Москва, Россия^a – ORCID 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru^b – ORCID 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

Резюме: Статья посвящена анализу деятельности международной исламской организации Таблиги Джамата, проводящей активную экспансию с территории Индийского субконтинента как в развитых, так и в развивающихся странах мира. На первый план выдвигается анализ тех аспектов деятельности таблигов, которые вызывают острые дискуссии или были до сих пор мало затронуты в научных исследованиях. Среди них: влияние таблигов на локальные политические процессы, их отношения с другими исламскими школами, вопросы этнической и конфессиональной специфики их деятельности в различных социальных контекстах. Деятельность таблигов в Республике Мали и ЮАР, не освещавшаяся до сих пор в отечественной науке, позволяет раскрыть малоисследованные пути их взаимодействия с локальными акторами и способы их проникновения в новые сферы влияния.

Первый раздел статьи посвящен историографическому анализу подходов к изучению Таблиги Джамата. Показано, что эта организация сочетает в своей деятельности как исламский реформизм школы деобанди, так и приверженность ряду традиционных практик, свойственных суфизму. Такое сложное сочетание приводит к амбивалентному характеру деятельности таблигов, что и нашло свое отражение в ее противоречивых оценках в историографии. Два других раздела посвящены исследованию деятельности таблигов в Мали и ЮАР соответственно. Если в ЮАР они заняли сугубо аполитичную позицию, то в Мали – оказались вовлечены в этнополитическую борьбу. Универсальная версия ислама, ориентированного на соблюдение шариата, которую распространяют таблиги, легкость трансграничных перемещений в рамках этой организации и сами ячейки таблигов в Северном и Центральном Мали были использованы местными экстремистами для консолидации своих сторонников. Институализация таблигов в ЮАР происходила на основе узких этнических связей, что не только обострило противостояние со школой барелви (война за мечети), но и привело к обострению этнических противоречий в южноафриканской умме.

Ключевые слова: Таблиги Джамата, Мали, ЮАР, деобанди, барелви, этничность

Для цитирования: Пономарев И.В., Грибанова В.В. Деятельность Таблиги Джамата на Африканском континенте (Мали и ЮАР). Восток (Oriens). 2025. № 6. С. 84–95. DOI: 10.31696/S086919080035141-2

OPERATIONS OF TABLĪGHĪ JAMA'ĀT ON THE AFRICAN CONTINENT
(MALI AND SOUTH AFRICA)

© 2025

Iliia V. PONOMAREV ^a, Valentina V. GRIBANOVA ^b^{a, b} – Institute for African Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru^b – ORCID 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

Abstract: *The article explores actions and operations of Tablīghī Jama'āt, an international Islamic organization that actively expands from the Indian subcontinent both to the leading and developing countries. The analysis focuses on questions that lead to heated debates in academic circles or are poorly explored in published studies: Tablīghī's influence on local political processes, their relation with other Islamic schools of thought, ethnic and confessional features of their activity in different social contexts. The analysis of Tablīghī's activity in Mali and South Africa, not touched upon before in Russian studies, could show less known ways of their interaction with local actors and accommodation to power relations.*

The first part of the article is devoted to concurring descriptions of Tablīghī Jama'āt in historiography. The organization compounds Islamic reformism of Deobandi school of thought with adherence with traditional ethos of Sufism. This complex combination causes the ambivalent character of Tablīghī's actions reflected in its opposite descriptions in historiography. The second part deals with Tablīghī's activity in Mali and the third one – in South Africa. While in SA their stand was quite apolitical, in Mali they became involved in ethno-political struggle. The universal, shari'a-oriented appeal of Tablīghī's Islam, wide opportunities of their trans-border travels and their cells in Northern and Central Mali were used by local extremists to recruit converts. Tablīghī's institutionalisation in SA was based on close ethnic ties – this exacerbated conflict with Barelwis as well as led to revival of ethnic cleavages in South African umma.

Keywords: Tablīghī Jama'āt, Mali, South Africa, Deobandi, Barelwi, ethnicity

For citation: Ponomarev I.V., Gribanova V.V. Operations of Tablīghī Jama'āt on the African Continent (Mali and South Africa). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 84–95. DOI: 10.31696/S086919080035141-2

В начале XXI в. деятельность Таблиги Джама'ат (далее ТДЖ), до этого бывшая предметом исследования узкого круга профессиональных востоковедов, привлекла внимание экспертов в сфере безопасности. Появились исследования (обзор см.: [Burki, 2013]), пытавшиеся установить возможные связи таблигов с экстремистскими организациями. В дальнейшем число работ, посвященных деятельности ТДЖ, увеличивалось, однако мнения продолжали расходиться.

В отечественной традиции преобладает акцент на анализе региональных аспектов деятельности ТДЖ [Балджи, 2014; Шлыков и др., 2021]. Между тем необходимо выявить и проанализировать наиболее апробированные способы описания деятельности ТДЖ, чему и посвящен первый раздел нашей статьи. Два других раздела раскрывают деятельность ТДЖ в Республике Мали и ЮАР. Эти страны выбраны по той причине, что позволяют наиболее выгодно раскрыть различные способы деятельности и адаптации таблигов к социальным реалиям.

Источники и литература, в которых освещается деятельность ТДЖ в Африке, нередко отражают социальный заказ, иногда и этноконфессиональные предпочтения авторов. По этой причине все приводимые в них факты и оценки тщательно сопоставлялись, чем и объясняется повышенное количество ссылок в нашей работе.

ТАБЛИГИ ДЖАМА'АТ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Хотя в качестве даты основания организации Таблиги Джама'ат (урду – *группа проповеди*)¹ обычно указывают на 1926 г. или 1927 г. (напр.: [Burki, 2013, p. 99; Ali, 2021, p. 1254]), точную дату определить затруднительно. Как показывает пакистанский ученый М. Масуд, организация формировалась в течение нескольких лет. Только с того момента, когда её основатель Мухаммад Ильяс Кандхалави получил поддержку влиятельного суфийского шейха Мухаммада Закарийи, можно говорить о складывании организационной структуры таблигов. В то время М. Ильяс был учителем в медресе «*Kashif-ul 'Ulum*», находящемся в г. Дели вблизи могилы средневекового суфия Низаму'д-Дина Авлия (ум. 1325). Именно его имя было присвоено первому центру (*марказу*) таблигов «Низамуддин», сформировавшемуся на базе указанного медресе [Masud, 2000, p. 6–10].

Вопрос о том, можно ли ТДЖ считать суфийским тарикатом, тоже остается дискуссионным. Французский историк М. Габорье рассмотрел несколько мнений, подчеркивая следующее. М. Ильяс принадлежал к суфийскому тарикату *чииштиийа*, однако и он, и другие шейхи-основатели ТДЖ получили образование в исламской школе *деобанди*, строго запрещающей такие суфийские практики, как поклонение могилам *пиров* (перс. *учитель, старец*) или празднование мавлида. Поэтому в Индии и Пакистане основным оппонентом *деобанди* и таблигов стали мусульмане школы *барелви*, сохранившей эти обычаи. Противостояние двух этих школ наиболее четко отделяет таблигов от суфизма [Gaborieau, 2006].

Однако индийский ученый Й. Сиканд предпочитает называть идеологию ТДЖ «реформистским, ориентированным на шариат суфизмом», оговаривая, что он считает это «новой формой ислама» [Sikand, 2007, p. 130]. Как и последователи М.А. Аль-Ваххаба (ум. 1792), таблиги отстаивают исполнение норм шариата в неизменном виде, но в отличие от них призывают к интеграции шариата и суфизма [Sikand, 2007, p. 133]. Если в суфийских тарикатах роль учителя ислама закреплена за шейхами, то у таблигов её обязан исполнять каждый мусульманин. Поэтому, согласно учению М. Ильяса, благословением свыше наделена каждая группа (*джама'ат*) из 7–15 таблигов, совершающая путешествие с целью исламской проповеди (*таблиг*), а совсем не хранители могил святых, как это принято в суфизме [Sikand, 2007, p. 135]. Наконец, Й. Сиканд показывает, что хорошо известные 6 принципов М. Ильяса² тоже основаны на суфизме [Sikand, 2007, p. 134].

Тем не менее Й. Сиканд признает теснейшую связь таблигов с школой *деобанди*, особенно – строгое следование ханафитскому мазхабу. Эта школа зародилась в г. Деобанди (Индия) в середине XIX в. как попытка дать альтернативу западному образованию светского типа. Поэтому отличительной особенностью *деобанди* стало распространение учебных заведений, выстроенных по типу британского колледжа. Основной акцент делался на изучение религиозных предметов, позже к ним добавились общеобразовательные.

¹ Существительное «*tabligh*» происходит от арабского глагола «*balāgh*» (доносить послание), используемого в Коране в значении ведения проповеди без принуждения к обращению. Встречается форма «Джама'ат ат-Таблиг», но она чаще используется в арабоязычных странах.

² Эти принципы анализировались неоднократно в литературе на русском языке, поэтому не останавливаемся на них.

В идеологическом плане школа *деобанди* поставила себе целью очищение ислама от нововведений (*бид'ат*) [Sikand, 2007, p. 129–136]. В этом смысле реформа (*islāh*) выдавалась за возврат к первоначальной («неиспорченной») версии ислама [Reetz, 2012, p. 131–132].

Школа *барелви* возникла на рубеже XIX–XX вв. как прямой ответ нарастающему влиянию школы *деобанди*. Ее основатель, суфийский шейх Ахмад Раза Хан Барелви (1856–1921), выбрал схожую тактику – создание сети медресе, ориентированных на современное образование. Изначальным центром этой школы был г. Барели в Индии, но выразителем политических настроений части населения она стала уже в Пакистане, что было связано с этнополитическим противостоянием. Вокруг школы *барелви* сплотились те мусульмане, которые до перехода в ислам относились к низким кастам, в то время как среди *деобанди* много выходцев из высоких каст с почётной арабской родословной [Reetz, 2012, p. 64–65; Чекризова, 2013].

Немецкий политолог Д. Риц исследовал срастание ТДЖ и школы *деобанди*: во многих странах медресе и мечети этой школы зачастую функционируют как *марказы* таблигов. В этом плане организация ТДЖ давно перестала быть только миссионерской, приобретая новую функцию: она эффективно и целенаправленно объединяет медресе и улемов *деобанди*, оказавшихся в разных странах. Для этого используются международные конференции, закрытые встречи с иностранным участием, широкий обмен опытом [Reetz, 2007]. Вопреки утверждениям лидеров ТДЖ об отсутствии у них административной структуры, её функции выполняют: головной консультативный совет (*shura*) в марказе «Раивинд» (Пакистан), такие же советы в других странах, отдельные улемы и активисты [Reetz, 2006]. В последние годы между головным центром и марказом «Низамуддин», где проживает духовный глава (эмир) ТДЖ, возникли настолько серьёзные разногласия, что это привело к расколу организации, хотя, возможно, и временному [Reetz, 2020, p. 285–286].

И всё-таки, по мнению Д. Рица, у организации ТДЖ есть черты, сближающие её с суфийским тарикатом. В её высшем административном аппарате узко-этнические связи играют решающую роль. Основатель ТДЖ М. Ильяс (1885–1944), главный идеолог таблигов Мухаммад Закариййа (1898–1982) и другие шейхи, заложившие основу этой организации, принадлежали к одному клану «Кандхалави», возводящему свое происхождение к халифу Абу Бакру ас-Сиддику. Имя клану дало мусульманское святилище (*qasba Kāndhalā*), находящееся в Мевате (штат Уттар-Прадеш). Именно *меватцы* играют важную роль на ежегодных конгрессах таблигов в Низамуддине и Раивинде, собирающих миллионы адептов со всего мира [Reetz, 2006, p. 36–38]. Эмир ТДЖ неизменно избирается из потомков М. Ильяса и М. Закариййи, которые стали благодаря постоянным близкородственным бракам «настоящим патрилинейным линиджем» [Gaborieau, 2006, p. 57].

Американский историк Б. Меткалф показала, что основная деятельность таблигов строится вокруг книги «Достоинство добродетели» (*Fadha'il-e A'mal*) – собрании хадисов различной достоверности с комментариями М. Закариййи. Эта книга постоянно читается таблигами вслух в мечетях и дома после обязательных молитв. Стараясь подражать образу жизни первых мусульман, описанному в хадисах, таблиги строго регламентируют каждое свое действие [Metcalf, 1993]. Особенно чётко это проявляется во время *хурудж* – путешествия с проповедью, занимающего центральное место в деятельности и идеологии ТДЖ [Ali, 2021, p. 1262–1266]. Во время *хуруджа* соблюдаются строгое ограничение на любые вопросы и независимый поиск информации, повседневный контроль общения между адептами, запрет на покупки и личное имущество, кроме самого необходимого, регламентация пищевого поведения и личной гигиены [Reetz, 2006, p. 39–44]. Все эти практики, много позаимствовавшие из суфизма, считаются у таблигов «вживанием в хадисы» [Metcalf, 1993].

Работы Б. Меткалф, посвященные таблигам, убеждают, что они дистанцируются от мира и политики во время *хурудж* (от 3 дней до года) и в *марказах* «Низамуддин» и «Раивинд» (обычно 6 месяцев). Тем не менее вопрос об отношении ТДЖ к политике не столь однозначен: если одни исследователи поддерживают тезис об их «аполитичности» [Балджи, 2014; Ali, 2021], то другие выдвигают ряд веских аргументов против него [Sikand, 2006; Gaborieau, 2006].

Наиболее полно этот вопрос раскрыл тот же Й. Сиканд. Рассматривая историю отношений ТДЖ с *Джама'ат-и Ислами* (Исламская партия), он отмечает, что С.А. Маудуди (1903–1979) и М. Ильяс считали своей целью создание исламского государства на основе шариата, но избирали разные пути к нему: политическую борьбу *versus* нравственное самосовершенствование. М. Ильяс оценивал свою деятельность на пути к этой цели как «начальную работу», а деятельность С.А. Маудуди – как «настоящую работу»; в ответ С.А. Маудуди высоко оценил организацию М. Ильяса [Sikand, 2006, p. 182]. После смерти М. Ильяса и разделения Индии открыто провозглашать такие цели стало опасно, и ТДЖ официально отмежевалась от *Джама'ат-и Ислами*, начав позиционировать себя как совершенно аполитичную. Идеолог таблигов М. Закарийя издал работу «Соблазн маудудизма» (*Fitna-i Maududiyat*), а С.А. Маудуди выступил с критикой аполитичной позиции таблигов. Однако отмежевание было неполным: в дальнейшем, когда *Джама'ат-и Ислами* подвергалась политическим репрессиям, некоторые её члены переходили в ТДЖ, чтобы избежать ареста [Sikand, 2006, p. 183–189].

С одной стороны, столь двойственная позиция вызвана тем, отмечает Й. Сиканд, что ТДЖ насаждает идею «глобального исламского единства», которая формирует у мусульман «усиленную идентичность» нового типа, альтернативную национальной форме государственности и идеологии секуляризма [Sikand, 2006, p. 186, 193]. Практически к идентичным выводам, но независимо приходит М. Габорье [Gaborieau, 2006, p. 66–67]. С другой – в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии власти использовали в качестве действенного противовеса исламистам именно таблигов, вовлекая их в политическую деятельность. Исследователь делает вывод об амбивалентном характере деятельности организации ТДЖ: если в одних случаях она «противостоит влиянию исламистских групп», то в других – «оказывает поддержку исламистским группам» [Sikand, 2006, p. 187]; (см. также: [Шлыков и др., 2021, с. 253–261]).

ТАБЛИГИ ДЖАМА'АТ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Первые таблиги, появившиеся в начале 1990-х гг. в Мали, были африканцами из Гамбии [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 148]. Продвижению ТДЖ в Мали также способствовали малийские иммигранты во Франции, объединившиеся вокруг мечети таблигов «*ар-Рахма*» в Сен-Дени. В столице Мали, Бамако, их центром стала мечеть «Марказ» в округе Маньямбуку [Islamist Terrorism, 2005, p. 8, 17; *In Central Mali*, 2018, p. 26].

Проповедь ТДЖ вначале сосредоточилась на Южном Мали, где она не вызвала никаких конфликтов. В Северном Мали таблиги появились только в конце 1990-х гг. Здесь авторитет в сфере ислама принадлежит исключительно марабутам из числа сахарских арабов и отдельных кланов туарегов, отношение которых к исламским обычаям населения юга страны (негроидного) исторически было неоднозначным. Поэтому первыми таблигами на севере страны стали проповедники из Пакистана, Бангладеш и стран Аравийского полуострова, а совсем не южные малийцы [Islamist Terrorism, 2005, p. 9–10; Lecocq, Schrijver, 2007, p. 148, 151; Keenan, 2009, p. 198–199].

Наиболее достоверно зафиксировано прибытие таблигов в Кидаль – неформальную столицу малийских туарегов, где они появились во время Рамадана 1419 г. (декабрь 1998 –

январь 1999). Здесь они сразу же получили прозвище «*букстан*» (от пакистанцы) и «*да'ва*» (проповедь) – термины более понятные для местного населения, чем «таблиги» [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 148, 163; Keenan, 2009, p. 170, 179; Thurston, 2020, p. 112–113].

Таблиги вначале устанавливают связи с наиболее влиятельными местными фигурами. Так как в Кидале ведущую роль в социальной жизни играют туареги из конфедерации кланов *ифорас*, то именно они оказались в центре их внимания. Туареги *ифорас* претендуют на статус *шофра*, возводя свою генеалогию к потомкам Мухаммеда. Официальный глава (*аменокаль*) конфедерации *ифорас* Инта'лла аг Аттахер сохранял определенную дистанцию по отношению к таблигам, но это не помешало его сыновьям стать активистами ТДЖ. Они прошли 10-дневные курсы при мечети «Марказ» в Бамако, а старший из них, Аттайуб аг Инта'лла, даже совершил путешествие в марказ «Раивинд» [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 149–150; Lecocq, 2010, p. 322, 328]. В двух других крупных городах Северного Мали, Тимбукту и Менаке, таблиги встретили намного более холодный прием со стороны местных улемов [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 150–151; Sidibé, 2012, p. 78–80].

Главой ТДЖ в Северном Мали стал Ййад аг Гали – видный политик, не имевший, однако, шансов быть избранным *аменокалем* из-за статуса его клана внутри конфедерации *ифорас* [Pellerin, 2007, p. 17]. В течение 1990-х гг. он был одним из лидеров сепаратистов, но с готовностью сажился за стол переговоров [Thurston, 2020, p. 113–114; Bencherif, 2023, p. 483–484]. Опыт неудачного восстания убедил его в том, что объединить разрозненные конфедерации туарегов только на националистической основе невозможно. В той версии универсального ислама, ориентированной на шариат, которую пропагандируют таблиги, он увидел пути консолидации не только кланов туарегов, но и других этнических групп Северного и Центрального Мали: сахарских арабов, фульбе, сонгаев. На севере Мали таблиги все время подчеркивали, что их отношение к исламу наиболее инклюзивно в этническом плане, что резко контрастировало с высокомерным отношением арабов из стран Аравийского полуострова, которое они выказывают к местным исламским традициям, посещая Мали в качестве туристов, социальных работников и богатых меценатов [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 150–151].

Используя международные связи таблигов, И. аг Гали посетил Пакистан, Францию и Аравийский полуостров, а в Африке – Мавританию, Нигерию, Нигер, Того и Бенин. По его собственным словам, эти поездки дали ему возможность установить контакты с единомышленниками в этих странах [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 150; Thurston, 2020, p. 113]. Деятельность таблигов уже тогда привлекала внимание африканских спецслужб, но проследить все их неформальные связи было невозможно [Islamist Terrorism, 2005, p. 9, 17].

Прибытие таблигов в Кидал в 1999 г. совпало с выборами мэра, ведущим кандидатом на которых выступала женщина из конфедерации *иднан* по прозвищу «*Тенхерт*» (по имени её клана). Традиционно женщины в обществе туарегов пользуются широкими правами, но таблиги приложили все усилия, чтобы убедить жителей Кидала в том, что шариат запрещает женщинам участвовать в выборах [Lecocq, 2010, p. 322–323]. В мае 1999 г. местные марабуты из числа *ифорас* выступили с заявлением, осуждающим участие женщин в выборах. Хотя «*Тенхерт*» опередила по числу голосов Альгаббаса аг Инта'ллу (второго сына *аменокаля ифорас*), именно он занял пост мэра [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 149; Lecocq, 2010, p. 328]. За этим стояло давнее противоборство конфедераций *ифорас* и *иднан*, а таблиги оказались лишь дополнительным фактором в политической борьбе.

Явное вмешательство таблигов в политическую жизнь было замечено властями в Бамако, которые поддерживали *иднан*. Нужен был только предлог, и он нашелся осенью 2001 г., когда из страны были высланы 25 таблигов-иностранцев. С тех пор к высылке иностранных членов ТДЖ власти Мали и других западноафриканских стран прибегали

неоднократно [Islamist Terrorism, 2005, p. 9; Pellerin, 2007, p. 15; Lecocq, Schrijver, 2007, p. 151, 163].

Несмотря на это, И. аг Гали не только остался главой таблигов в Северном Мали, но и стал распространять свое влияние в области Мопти: он мог достичь этого только с помощью структур ТДЖ, так как в этой части Центрального Мали преобладают этнические фульбе. Его отношения с властями оставались противоречивыми: с одной стороны, он получил чин полковника малийской армии, хотя в самой армии никогда не служил, с другой – возглавил в 2006 г. очередное восстание туарегов, продлившегося на этот раз всего около двух месяцев [Lecocq, Schrijver, 2007, p. 155–156; Lecocq, 2010, p. 327; Thurston, 2020, p. 111, 114].

В 2007 г. И. аг Гали был назначен на дипломатический пост при малийском консульстве в Джидде [Newman, 2009; Biography, 2018]. Но уже в июне 2010 г. он был вынужден покинуть Саудовскую Аравию: по одной версии за «его контакты с Таблиг Джамаат» [Cline, 2013, p. 623; ср.: Thurston, 2020, p. 111], по другой – за его «возможные связи с террористическими группами» [Biography, 2018].

За этим стоит следующее. В ноябре 2009 г. И. аг Гали выступил организатором конференции ТДЖ в Кидале, на которой присутствовал лично [Bencherif, 2023, p. 483–484]. Конференцию посетили «несколько сотен участников, многие из которых были иностранцами» [Newman, 2009]. Хотя И. аг Гали и ранее выступал организатором конференций ТДЖ в Мали, именно в том году она привлекла внимание международной прессы. Это было связано с активизацией в южной Сахаре террористической организации «Аль-Каида»³ в исламском Магрибе, посредником в переговорах с которой о заложниках выступил И. аг Гали [Thurston, 2020, p. 114, 153; Newman, 2009]. Для властей Саудовской Аравии этих фактов могло оказаться достаточно для его высылки.

Замыслы И. аг Гали стали реальностью в 2011 г. Осенью этого года на север Мали хлынули группы вооруженных туарегов из Ливии. С их лидерами И. аг Гали был знаком еще в 1980-е гг., когда служил в «Исламском легионе» М. Каддафи [Biography, 2018]. Следующий, 2012 год, стал противостоянием туарегов не столько с малийской армией, быстро вытесненной ими на юг, сколько между двумя движениями: исламистским и националистическим. За каждым из них стояли две конкурирующие конфедерации туарегов: *ифорас* и *иднан*. И. аг Гали попытался объединить оба движения под своим руководством, но это оказалось невозможно из-за идеологических и клановых противоречий. Тогда конфедерация *ифорас* поддержала его усилия по созданию на позициях умеренного исламизма новой вооруженной группировки «*Ансар ад-Дин*» [Voûs et al., 2019, p. 26–29; Thurston, 2020, p. 127–130; Bencherif, 2023, p. 474–485].

Параллельно в Северном Мали возникли группировки, открыто объявившие своей идеологией вооруженный джихад. Некоторые местные сетевые ячейки ТДЖ стали первыми, кто вступил в их ряды [Pellerin, 2007, p. 10–15]. Хотя процесс формирования джихадистских группировок шел на основе далеко не только ячеек ТДЖ, сами джихадисты позже подчеркивали роль бывших таблигов в этом процессе [Thurston, 2020, p. 132–133].

Последовавшая в начале 2013 г. французская интервенция привела к усилению исламского фактора в общественной жизни не только на севере страны. В Центральном Мали среди этнических фульбе началось широкое народное движение сопротивления, связанное как с интервенцией, так и с локальными противоречиями, накапливавшимися годами [Benjaminsen, Ba, 2024]. Движение смогло подчинить своей исламистской риторике ряд видных улемов, среди которых выделяется Хаммадун Куффа. Задолго до этого, возглавляя местное отделение ТДЖ в области Мопти, он познакомился с И. аг Гали [Central Mali, 2016, p. 11, 15; In Central Mali, 2018, p. 26]. В 2004 г. они оба провели шесть месяцев в марка-

³ Запрещена в РФ.

зе «Раивинд», хотя и неизвестно, встречались ли они там [Islamist Terrorism, 2005, p. 17; Benjaminsen, Ba, 2024, p. 8]. Известно другое: они оба использовали структуры ТДЖ для расширения своего влияния: посещая мечети, выступая с проповедями, устанавливая контакты [Mali, 2013, p. 26; Thurston, 2020, p. 153]. Поэтому неудивительно, что в 2014–2015 гг. существенную помощь оружием и деньгами людям Х. Куффы оказала группировка «*Ансар ад-Дин*» [Bøås et al., 2019, p. 33–34; Thurston, 2020, p. 150–152].

Между Центральным и Северным Мали тоже существуют расовый водораздел и соперничество улемов фульбе и туарегов в понимании норм шариата. Х. Куффа и И. аг Гали не могли не понимать ценности той универсальной версии реформированного ислама, которую содержит проповедь таблигов, для преодоления этнических противоречий и консолидации широких масс населения на единой платформе. Развитие событий показало точность их расчета. В 2017 г. они выступили центральными фигурами при создании широкой коалиции *Движение защиты ислама и мусульман*, занявшей позицию воинствующего джихадизма. За прошедшие годы эта коалиция продемонстрировала не только свою жизнеспособность в крайне сложной и напряженной обстановке, сложившейся в стране, но и вовлекла в сферу своей деятельности вооруженные исламистские группировки на территории Буркина Фасо, Нигера и Бенина, – тех стран, где И. аг Гали установил контакты с исламистами, во время туров вместе с таблигами.

ТАБЛИГИ ДЖАМА‘АТ В ЮАР

В качестве даты появления ТДЖ в ЮАР различные исследователи указывают на 1958 г. или 1959 г. [Haron, 2005, p. 268; Jeppie, 2007, p. 105]. Однако уже в 1952 г. в провинции Натал была создана организация «*Джамият-уль уляма*» (Общество улемов), тесно связанная с деятельностью таблигов. Костяк этой организации составили преподаватели, прошедшие подготовку в Исламской академии (*Дар-уль улюм*) в г. Деобанд [Vahed, 2003, p. 319; Reetz, 2007, p. 155]; (ср.: [Jeppie, 2007, p. 27, 53]).

Начальное продвижение ТДЖ определялось узкими этническими рамками. Его наиболее заметными активистами были выходцы из г. Сурат (штат Гуджарат), ставшие известными в ЮАР как *сурти* [Moosa, 2000, p. 207, 209; Vahed, 2010, p. 623]. Первыми представителями этой субэтнической группы были мелкие торговцы, следовавшие за индийскими рабочими по контракту (*кули*). Уже в 1885 г. их усилиями была построена в центре Дурбана мечеть, известная как «*Вест Стрит Масджид*». И впоследствии *сурти* сохраняли контроль над её попечительным советом и выбором имама [Vahed, 2001, p. 314–315; Jeppie, 2007, p. 20].

Деятельность таблигов идеально сочеталась с традициями индийских торговцев путешествовать, устанавливая международные связи. Первым эмиром ТДЖ в ЮАР стал бизнесмен Гулям Мохаммед Падиа, совершивший в 1962 г. хадж в Мекку. Познакомившись там с таблигами, он принял их приглашение посетить марказ «Низамуддин» в Дели, где провел 4 месяца. Вернувшись в родной Натал, он не сразу, но получил поддержку местных улемов из школы *деобанди* [Moosa, 2000, p. 209–218; Vahed, 2003, p. 319].

Если в 1966 г. первое ежегодное собрание (*иджтима*) таблигов в г. Ледисмит привлекло 300 человек, то в 1999 г. в Дурбане собралось уже более 25 тыс. [Vahed, 2003, p. 319]. Переходя с проповедью от мечети к мечети, от одного дома к другому, они смогли вовлечь в свою деятельность широкие массы мусульман в Натале и Трансваале [Tayob, 1999, p. 74, 88]. Сложнее продвижение таблигов шло в Западном Кейпе, натолкнувшись на сопротивление локальных суфийских тарикатов [Moosa, 2000, p. 209–211; Haron, 2005, p. 270–281].

В отличие от многих других религиозных организаций ЮАР, таблиги так и не выступили с осуждением апартеида. Зато они последовательно выступали с осуждением «Братьев

мусульман», иранской революции и даже умеренного исламского модернизма, так как это благосклонно встречалось правительственными кругами. В ответ африканерское правительство практически не ограничивало деятельность ТДЖ [Moosa, 2000, p. 218–220; Haron, 2005, p. 268]. Поэтому таблиги могли принимать в свои ряды всех желающих: частных предпринимателей, студентов, рабочих, служащих, но также – людей с тяжелым прошлым: бывших преступников, наркоманов [Moosa, 2000, p. 212; Haron, 2005, p. 270].

Основными противниками таблигов в ЮАР стали приверженцы школы *барелви* [Tayob, 1999, p. 89; Moosa, 2000, p. 211]. Эта школа получила распространение на юге Африки усилиями представителей касты богатых торговцев из г. Порбандар (северный Гуджарат), относящейся к субэтнической группе *мемон* [Jerrie, 2007, p. 20; Vahed, 2010, p. 617]. Богатые *мемоны* владели пароходными компаниями, совершавшими рейсы между Бомбеем и Наталем уже в 1890-е гг.; бедным торговцам *сурти* и *мемон* из низких каст они выдавали деньги под проценты. Первая мечеть в центре Дурбана («*Джумуа Масджид*») была построена на средства богатых *мемонов* в 1881 г., и так и осталась под их контролем [Vahed, 2001, p. 314–316; 2010, p. 618].

Последователи школы *барелви* верят в то, что молитва будет лучше услышана на могиле *пиров*. Одним из таких *пиров* почитается суфийский шейх Суфи Сахиб (Шах Гулям Мохаммед), прибывший в Южную Африку из Индии в 1895 г. Его усилиями при поддержке богатых кланов *мемонов* в Натале была создана сеть мечетей и медресе. На новой родине эти кланы сохраняли свою кастовую принадлежность путем эндогамных браков, но благодаря влиянию Суфи Сахиба вокруг них сплотилось значительное число потомков законтрактованных рабочих – *кули* [Vahed, 2001, p. 319–322; 2010, p. 618–623].

Противоречия между ТДЖ и последователями школы *барелви* стали нарастать во второй половине 1970-х гг. Так, в апреле 1977 г. таблиги попытались помешать проповеди Джамала Бадави из Канады в мечети в г. Ледисмит, так как у него не было бороды длиной не менее 4 пальцев. В феврале 1978 г. последователи *барелви* не дали выступить с проповедью в мечети «*Джумуа Масджид*» Юсуфу Батлеру, обвинив его в распространении идеологии ТДЖ. В январе 1980 г. в мечети «*Спаркс-Роуд*» в г. Оверпорт 20 человек, вооружённых ножами и велосипедными цепями, нанесли телесные повреждения знатоку хадисов из Индии, пропагандировавшему учение ТДЖ [Vahed, 2003, p. 325–328; Haron, 2005, p. 268–269]. Это противостояние сопровождалось резкой полемикой в печатных органах *барелви* и таблигов по следующим вопросам: молитвы на могилах *пиров*; отмечание мавлида и других «народных» исламских праздников; молитвы к пророку Мухаммеду как вездесущему изначальному свету, породившему мир – доктрина, известная как «Свет Мухаммеда» (*Nur-i-Muhammad*) [Vahed, 2003, p. 320–324].

Напряженность усилилась в июне–июле 1981 г., когда на встречу с главным идеологом таблигов М. Закарийей, который впервые посетил ЮАР, собралось почти 100 тыс. человек со всей страны. Ответная реакция сторонников *барелви* не заставила себя ждать: 16 июля произошло нападение на 7 таблигов в мечети «*Джумуа Масджид*», читавших после утренней молитвы книгу М. Закарийи «Достоинство добродетели» (об этой практике см. выше). Оправдывая это нападение, улемы школы *барелви* заявили, что причину (т. е. ТДЖ) надо осудить более чем сам инцидент [Vahed, 2003, p. 327]. Однако визит М. Закарийи дал сильный импульс развитию ТДЖ. В последующие два года были основаны две новых исламских академии *деобанди* в гг. Азадвилль и Леназия, одна из которых носит его имя. В их штатное расписание в качестве обязательного входит участие студентов в регулярных путешествиях (*хуружд*) таблигов [Reetz, 2007, p. 154–157].

С начала 1980-х гг. прихожане мечетей все чаще стали делиться на сторонников и противников ТДЖ. Так, старейшие мечети в центре Дурбана «*Джумуа Масджид*» и «*Вест*

Стрит Масджид» были строго закреплены за сторонниками *барелви* и таблигов соответственно [Vahed, 2003, p. 326; Haron, 2005, p. 280]. Хотя советы большинства мечетей в Натале и Трансваале были уже смешанными в этническом плане, деятельность таблигов привела к новой этнической поляризации [Tayob, 1999, p. 68, 74]. Из попечительных советов мечетей, в которых взяли верх сторонники *барелви*, вытеснялись торговые элиты *сурти*. Наоборот, вход в мечети, где возобладали таблиги, для потомков *мемонов* стал закрыт. Улемы-*деобанди* использовали ситуацию в своих интересах, устанавливая контроль над некоторыми мечетями. О финансовой мощи таблигов в ЮАР говорит то, что в случае неудачи подчинения очередной мечети, они нередко строили в непосредственной близости новую [Tayob, 1999, p. 88–101; Vahed, 2003, p. 329–331].

Противостояние *барелви* и таблигов достигло кульминации в середине 1980-х гг. Дело дошло до низкопробных оскорблений в печати. Таблиги обвиняли своих противников в идолопоклонстве, а улемов, одобряющих традиционные ритуалы, в разрешении курения конопли. Сторонники *барелви* клеймили таблигов и школу *деобанди* как агентов ЦРУ, называя ТДЖ заговором по уничтожению ислама в ЮАР [Vahed, 2003, p. 323, 326]. Весной 1987 г. в Азаадвилле, который считается твердыней *деобанди*, небольшая группа *барелви* решила отпраздновать мавлид в зале Общественного центра. В ночь на 7 марта большая толпа сторонников ТДЖ ворвалась в этот центр, в результате чего был убит один из организаторов празднования (55-летний Шейк Мохидин Саиб) и тяжело ранены еще 6 человек. На следующий день в митинге протеста в центре Дурбана приняло участие до 3 тыс. человек [Tayob, 1999, p. 89–90; Vahed, 2003, p. 329; Haron, 2005, p. 269].

В 1990-е гг. напряженность между последователями школы *барелви* и таблигами начала снижаться в результате быстрых социальных изменений в ЮАР. Пришедшая к власти партия Африканский национальный конгресс легализовала аборт, проституцию и порнографию – мусульмане оказались перед новыми вызовами, ставившими на повестку дня защиту самих основ их религиозной жизни. С другой стороны, теперь каждая из противоборствующих групп имела свои мечети, и резкая критика чужих обычаев стала исключением, а не правилом [Tayob, 1999, p. 90–92; Vahed, 2003, p. 331–332; Haron, 2005, p. 280–281].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление ТДЖ в Мали произошло в сравнительно недавнем времени, но сразу же вовлекло таблигов в сложные этнополитические отношения. Их ячейки, универсализм и возможности трансграничных перемещений были использованы малийскими экстремистами для преодоления этноконфессиональных барьеров: это сыграло существенную роль для консолидации движения джихада в Центральном и Северном Мали. В ЮАР, напротив, таблиги укоренились на пике апартеида, что заставило их максимально дистанцироваться от политики. Хотя деятельность ТДЖ в ЮАР отразила противостояние исламских школ *деобанди* и *барелви*, она также стала заложницей узких этнических отношений.

Организация ТДЖ соединила в себе несоединимое с точки зрения недавнего прошлого: суфийские традиции и реформизм школы *деобанди*, современные техники проповеди и опору на хадисы, заявку на универсализм и сохранение этноконфессиональной специфики. Отсюда проистекает амбивалентный характер деятельности ТДЖ. Декларируя «аполитичность», мирную проповедь и сосредоточенность на самосовершенствовании, таблиги часто оказываются вовлечены в политику или этноконфессиональное противостояние. Таким образом, в случае ТДЖ мы имеем дело с новым социальным явлением – одной из версий реформированного ислама, претендующей на глобальную универсальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балджи Б. Джама'ат ат-Таблиг и возрождение религиозных связей Центральной Азии с Индийским субконтинентом. *Восток (Oriens)*. 2014. № 6. С. 5–17 [Balji B. Jama'at Al-Tablig and the Revival of Central Asian Religious Ties with the Indian Subcontinent. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 6. Pp. 5–17 (in Russian)].

Шлыков П.В., Саетов И.Г., Колдунова Е.В. *Исламские джамааты в истории, политике и социальной динамике стран Востока*. Под. ред. Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2021 [Shlykov P.V., Saetov I.G., Koldunova E.V. *Islamic Jamaats in History, Politics and Social Dynamics of the Eastern Countries*. Ed. N.U. Ulchenko. Moscow: IOS RAS, 2021 (in Russian)].

Чекризова О.П. Пакистан. Радикализация «народного» ислама. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 10. С. 62–67 [Chekrizova O.P. Pakistan. The Radicalization of “Folk” Islam. *Asia and Africa today*. 2013. No. 10. Pp. 62–67 (in Russian)].

Ali J.A. Tabligh Jama'at as an Emulatable Model of Faith Renewal. *Handbook of Contemporary Islam and Muslim Lives*. R. Lukens-Bull, M. Woodward (eds.) Cham: SNS, 2021. Pp. 1251–1270.

Bencherif A. Political Nomadism and the Jihadist ‘Safe Haven’ in Northern Mali: An Entry Point through Tuareg Relational Political Dynamics. *Journal of Modern African Studies*. 2023. Vol. 61. Pp. 473–494.

Benjaminsen T.A., Ba B. A Moral Economy of Pastoralists? Understanding the ‘Jihadist’ Insurgency in Mali. *Political Geography*. 2024. Vol. 113. Pp. 1–10.

Bøås M., Osland K.M., Henriette U.E. *Islamic Insurgents in the MENA Region. Global Threat or Regional Menace?* Oslo: NUPI, 2019.

Biography. Iyad ag Ghaly. *BBC Monitoring*. 28.07.2018.

Burki Sh.Kh. The *Tablighi Jama'at*: Proselytizing Missionaries or Trojan Horse? *Journal of Applied Security Research*. 2013. Vol. 8. Pp. 98–117.

Central Mali: An uprising in the making? *Crisis Group Africa Report*. No. 238. Brussels: ICG, 2016.

Gaborieau M. What is Left of Sufism in Tablighi Jamâ'at? *Archives de sciences sociales des religions*. 2006. No. 135. Pp. 53–72.

In Central Mali. Civilian Populations are Caught between Terrorism and Counterterrorism. Paris & Bamako: FIDH & AMDH, 2018.

Islamist Terrorism in the Sahel: Fact or Fiction? *Crisis Group Africa Report*. No. 92. Brussels: ICG, 2005.

Jeppie Sh. *Language, Identity, Modernity: The Arabic Study Circle of Durban*. Cape Town: HSRC, 2007.

Keenan J. *The Dark Sahara: America's War on Terror in Africa*. London: Pluto Press, 2009.

Lecocq B. *Disputed Desert. Decolonisation, Competing Nationalisms and Tuareg Rebellions in Northern Mali*. Leiden: Brill, 2010.

Lecocq B., Schrijver P. The War on Terror in a Haze of Dust: Potholes and Pitfalls on the Saharan Front. *Journal of Contemporary African Studies*. 2007. Vol. 25. Pp. 141–166.

Mali. Security, Dialogue and Meaningful Reform. *Crisis Group Africa Report*. No. 201. Brussels: ICG, 2013.

Masud M. The Growth and Development of the Tablighi Jama'at in India. *Travellers in Faith: Studies of the Tablighi Jama'at as a Transnational Islamic Movement for Faith Renewal*. M. Masud (ed.) Leiden: Brill, 2000. Pp. 3–43.

Metcalf B.D. Living Hadith in the Tablighi Jama'at. *Journal of Asian Studies*. 1993. Vol. 52. Pp. 584–608.

Moosa E. Worlds ‘Apart’: The Tablighi Jama'at in South Africa under Apartheid, 1963–1993. *Travellers in faith*. M. Masud (ed.) Leiden: Brill, 2000. Pp. 206–221.

Newman P. Dawa Meeting in Kidal. Not Much to Talk About. *U.S. Embassy in Bamako*. 21.12.2009. https://wikileaks.org/plusd/cables/09BAMAKO822_a.html (accessed: 18.02.2025).

Pellerin M. Les trajectoires de radicalisation religieuse au Sahel. *Notes de l'Ifri*. Paris: IFRI, 2017.

- Reetz D. Sûfî Spirituality Fires Reformist Zeal: The Tablighî Jamâ'at in Today's India and Pakistan. *Archives de sciences sociales des religions*. 2006. No. 135. Pp. 33–51.
- Reetz D. The Deoband Universe: What Makes a Transcultural and Transnational Educational Movement of Islam? *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2007. Vol. 27. Pp. 139–159.
- Reetz D. Barelwis. Deobandis. *Princeton Encyclopedia of Islamic Political Thought*. G. Bowering (ed.) Princeton: Princeton University Press, 2012. Pp. 64–65, 131–132.
- Reetz D. Muslim Voices in India: The Transformation of Leadership and Grassroots Activism. *South Asia Chronicle*. 2020. Vol. 10. Pp. 267–300.
- Sidibé K. Security Management in Northern Mali: Criminal Networks and Conflict Resolution Mechanisms. *IDS Research Report 77*. Brighton: IDS, 2012.
- Sikand Y. The Tablighî Jama'ât and Politics: A Critical Re-Appraisal. *The Muslim World*. 2006. Vol. 96. Pp. 175–195.
- Sikand Y. The Reformist Sufism of the Tablighi Jama'at: The Case of the Meos of Mewat, India. *Sufism and the "Modern" in Islam*. J. Howell, M. Bruinessen (eds.) London: Tauris, 2007. Pp. 129–148.
- Tayob A. *Islam in South Africa: Mosques, Imams, and Sermons*. Gainesville: University Press of Florida, 1999.
- Thurston A. *Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
- Vahed G. Mosques, Mawlanas and Muharram: Indian Islam in Colonial Natal, 1860–1910. *Journal of Religion in Africa*. 2001. Vol. 31. Pp. 305–335.
- Vahed G. Contesting 'Orthodoxy': The Tablighi-Sunni Conflict among South African Muslims in the 1970s and 1980s. *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2003. Vol. 23. Pp. 315–336.
- Vahed G. An 'Imagined Community' in Diaspora: Gujaratis in South Africa. *South Asian History and Culture*. 2010. Vol. 1. Pp. 615–629.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПОНОМАРЕВ Илья Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ilia V. PONOMAREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ГРИБАНОВА Валентина Валерьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва, Россия.

Valentina V. GRIBANOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Head of Department of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.